

ИЗНАНКА ТИШИНЫ

ИННА ПРОСКУРЯК

18+

СЕРИЯ: ДЕЛА МЕТРОСТРОЕВА

Инна Проскурjak
Изнанка тишины

«Автор»

2026

Проскуряк И.

Изнанка тишины / И. Проскуряк — «Автор», 2026

Бывший следователь не звонил ему пять лет. Но когда дядя Коля появляется на пороге с потёртой папкой, майор Иван Метростроев понимает: разговор будет долгим. Двадцать два года назад в Омске убили девушку. Дело закрыли, убийцу не нашли. Иван берётся за старое расследование — и выходит на серию, растянувшуюся на десятилетия и четыре города. Одинаковые лица. Одинаковый почерк. И молчание, которое кто-то хранит до сих пор. Потому что настоящий враг — не убийца. Настоящий враг — идея.

© Проскуряк И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Инна Проскурjak

Изнанка тишины

Пролог

Дядя позвонил во вторник.

Я стоял на кухне, смотрел, как за окном ветер раскачивает сосну на углу дома. Уголёк спал у двери, растянувшись на коврике так, что задние лапы уехали под обувную полку. Часы на стене щёлкнули, перещёлкивая минуту. Восемь утра.

Телефон завибрировал на столе. Номер не определился. Я взял.

— Ваня, — сказал он.

Голос сел, но я узнал сразу. Такой не путают. У дяди был низкий, с хрипотцой, будто он только что прокашлялся или долго молчал перед тем, как набрать.

— Дядь Коля, — сказал я.

Пауза. Он дышал в трубку. Я слышал фон: не улица, не машины. Помещение. Может, квартира. Может, гараж.

— Ты в Новосибирске, — сказал он. Не спросил.

— Да.

— Мне надо приехать.

Я посмотрел на часы. Стрелка дёрнулась. Уголёк во сне перевернулся на бок, вздохнул.

— Когда?

— Сегодня. К вечеру буду. Ты дома?

— Буду.

— Хорошо.

И отключился.

Я положил телефон на стол. В форточку тянуло хвоей и мокрой землёй — ночью прошёл дождь. В соседней комнате Вероника собирала Алису в школу. Слышно было, как Алиса что-то напевает — про ослика, кажется, — и как Вероника негромко просит не махать расчёской.

Дядя Коля не звонил мне пять лет.

Последний раз мы виделись на поминках. Он сидел за столом, прямой, как арматура, пил чай, смотрел в одну точку. Мы почти не говорили. Он обнял меня на прощание — сильно, до хруста, — и уехал. Я тогда ещё подумал: увидимся ли. И вот.

Я взял кружку, допил остывший чай. Посмотрел на ноутбук — он стоял на углу стола, экраном к стене, чёрный, молчаливый. «Аура» не подавала признаков жизни, но я знал, что она слушает. Она всегда слушала, когда телефон принимал входящий.

Из коридора вышла Вероника. Остановилась в дверях кухни, посмотрела на меня.

— Кто звонил?

— Дядя, — сказал я.

Она чуть наклонила голову. Про дядю я рассказывал только раз. Давно. Она помнила.

— И что? — спросила она.

— Приедет к вечеру.

Вероника ничего не сказала. Подошла, взяла мою кружку, налила себе чаю. Встала напротив, облокотившись на столешницу. За окном качнулась ветка, по подоконнику скользнула тень.

— Ты напрягся, — сказала она.

— Немного.

— Немного, — повторила она без улыбки.

Я не ответил. Она отпила чай, глядя на меня поверх кружки. Умная. Всегда всё видела.

— Я Алису отведу, — сказала Вероника. — К вечеру будем дома. Приготовлю что-нибудь. Дядя твой — он что поесть-то любит?

Я попытался вспомнить. Дядя Коля ел молча, быстро, не поднимая глаз от тарелки. Что именно — не помнил. Помнил только, как он резал хлеб: аккуратно, ровными ломтями, держа буханку под странным углом.

— Не важно, — сказал я. — Что-нибудь простое.

Вероника кивнула. Поставила кружку, поправила хвост, пошла в коридор. У двери обернулась.

— Вань.

— Да.

— Всё нормально будет.

Я кивнул. Она вышла. Через минуту хлопнула входная дверь, и в квартире стало тихо. Только часы щёлкали на стене да Уголёк посапывал у двери.

Я открыл ноутбук. Экран засветился. В текстовом поле мигала строка:

«Капитан, входящий звонок: номер скрыт. Геолокация: не определена. Запись разговора сохранена. Нужен анализ?»

Я напечатал: «Пока нет».

Она ответила сразу:

«Принято. Жду».

Я закрыл ноутбук. Посмотрел в окно. Сосна на углу дома качалась всё так же — сильно, но бесшумно.

Дядя Коля ехал. И что-то мне говорило: он везёт не себя.

Принято. Ошибки отслеживаю. Формат фиксирую: в конце главы — **«Аннотация к главе [номер]»**, чтобы ты сразу видела, куда идём.

Давай тогда первую главу.

Глава 1

Дядя приехал в девятом часу.

За окном уже смеркалось. Сосны за домом слились в одну тёмную стену. В гостиной горел торшер — старый, с жёлтым абажуром, из омской ещё квартиры. Вероника накрыла на стол: курица, картошка, солёные огурцы из банки, которую ей передала коллега из клиники. Хлеб она нарезала ровными ломтями — я заметил это, когда вышел из кухни, и ничего не сказал.

Звонок в дверь прозвучал глухо, коротко. Один раз. Дядя всегда звонил именно так: один раз и ждал. Я пошёл открывать. Уголёк поднял голову, но не залаял — просто смотрел.

В дверях стоял дядя Коля.

Он постарел. Не так, как стареют люди на пенсии, — не обмяк, не ссутулился. Высох. Лицо стало резче, скулы выступили, кожа натянулась. Волосы совсем седые, коротко стриженные. Глаза те же: серые, спокойные, цепкие. Одет в тёмную куртку без опознавательных знаков, старые джинсы, свитер с высоким горлом. В руке — потёртый кожаный портфель, который я помнил с детства. Треснувший по шву, но целый.

— Здорово, Ваня, — сказал он.

Голос был тихим, но не слабым. Он шагнул через порог, и я почувствовал запах: табак, кожа, что-то ещё — железнодорожный, наверное. Плацкарт. Он всегда ездил плацкартом.

— Раздевайся, — сказал я. — Ужин готов.

Дядя снял куртку, повесил на крючок у двери. Движения прежние — точные, без лишних жестов. Он заметил Уголька, посмотрел на него секунду, кивнул. Уголёк вильнул хвостом — то ли одобрил, то ли просто обозначил присутствие.

В коридор вышла Вероника. Встала чуть позади меня, вытерла руки о полотенце.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я Вероника.

Дядя повернулся к ней. Пауза. Он смотрел дольше, чем требовалось для вежливости, но не грубо. Изучал.

— Николай, — сказал он. — Можно дядя Коля.

— Можно и дядя Коля, — сказала Вероника спокойно. — Мойте руки, ужин стынет.

Он коротко кивнул, прошёл в ванную. Я услышал, как течёт вода — долго, с напором, будто он смывал не только дорожную пыль, но и что-то ещё.

Из детской выглянула Алиса. Она уже была в пижаме, но Вероника разрешила выйти поздороваться.

— Это кто? — спросила она шёпотом, глядя на закрытую дверь ванной.

— Мой дядя, — сказал я.

— А почему он на тебя похож?

Я не нашёлся сразу. Вероника усмехнулась.

— Потому что родственники, — сказала она. — Иди мой руки, тоже будешь за столом.

Алиса посмотрела на меня, потом на дверь ванной, потом снова на меня и ушла. Я знал этот взгляд: она что-то заметила. Что именно — спрошу позже.

Дядя вышел из ванной. Прошёл на кухню, сел за стол — не на привычное моё место, а сбоку, спиной к окну. Положил портфель на соседний стул. Не открыл.

Ужинали молча. Вероника пыталась поддерживать разговор — спросила про дорогу, про погоду. Дядя отвечал коротко: «Нормально», «Ветер был». Алиса ела картошку и разглядывала его исподлобья. Я молчал. Часы на стене щёлкали минуты.

Когда с ужином было покончено, Вероника увела Алису в детскую — читать на ночь. Перед тем как выйти, она тронула меня за плечо: легко, одними пальцами. Я понял: «Я рядом, если что».

На кухне остались я, дядя и портфель.

Дядя отодвинул тарелку, сложил руки на столе. Посмотрел на меня. Прямо, без обходов.

— Ты, наверное, гадаешь, зачем я здесь, — сказал он.

— Гадаю.

— Дело, — сказал он. — Старое. Я его вёл, когда ты ещё в школе учился. Не закончил. А теперь хочу, чтобы ты посмотрел.

— Почему сейчас? — спросил я.

Дядя помолчал. Потёр пальцами край стола — старый жест, я помнил его с детства: он всегда так делал, когда подбирал слова.

— Потому что время выходит, — сказал он. — В прямом смысле.

Он расстегнул портфель. Достал папку — плотную, серую, с потёртыми углами. Положил на стол между нами. Руку не убрал, держал на обложке, будто не решаясь открыть.

— Одно убийство, — сказал дядя. — Двадцать два года. Девушка, семнадцать лет. Нашли в лесу за городом. Дело спустили в архив. Я тогда был старшим следователем. Молодой, злой, думал — раскопаю. Не раскопал. А теперь там кое-что всплыло.

— Что именно? — спросил я.

Дядя открыл папку.

Внутри лежали фотографии, протоколы, схемы — всё пожелтевшее, но аккуратно подшитое. Сверху — чёрно-белый снимок. Я увидел лицо девушки. Светлые волосы, прямой пробор, лёгкая улыбка. Школьное фото.

— Её звали Лена, — сказал дядя. — Елена Томилова. Семнадцать лет. Убита в июле девяносто... ну, год сам посмотришь. Причина смерти — механическая асфиксия. Проще говоря, задушили. Тело нашли на шестой день. В лесу, у старого песчаного карьера. Западный выезд из Омска, знаешь, где это.

Я знал. Там сейчас коттеджи, а тогда была глушь.

— Почему не раскрыли? — спросил я.

Дядя убрал руку с папки. Откинулся на спинку стула. Стул скрипнул.

— Улик не было, — сказал он. — Вообще. Ни отпечатков, ни следов, ни свидетелей. Дело висело полгода, потом спустили. Я ещё год копал сам — втихую, по выходным. Пусто.

— И что всплыло сейчас?

Дядя достал из внутреннего кармана свитера сложенный лист. Развернул. Протянул мне.

Это была распечатка — современная, с лазерного принтера. Скан старой фотографии. Тот же песчаный карьер, те же сосны. Но снимок цветной. И на снимке — другая девушка. Тоже светлые волосы. Тоже прямой пробор. Она стояла у дерева, смотрела в объектив, не улыбалась.

— Это нашли в интернете, — сказал дядя. — В закрытой группе. Кто-то выложил старые фото. Девушка не из Омска. Новосибирск. Снимок сделан за месяц до исчезновения. Она пропала без вести тем же летом. Тело не нашли до сих пор.

Я смотрел на снимок. Девушка стояла у сосны. Правая рука опущена, левая прижата к груди — странный жест, будто она держала что-то, чего на фото не было видно.

— Внешность похожа, — сказал я.

— Не просто похожа, — сказал дядя. — Одинаковая. Как сёстры. Но они не сёстры и не родственники. Я проверил.

Он замолчал. За окном шумели сосны. Часы на стене щёлкнули. Я смотрел на два снимка — чёрно-белый и цветной, — и между ними ложилась пропасть в двадцать два года.

— Я хочу, чтобы ты посмотрел, — сказал дядя. — Свежим взглядом. С твоим... — он чуть мотнул головой в сторону ноутбука, стоявшего на углу стола. — С твоими возможностями.

Я не спрашивал, откуда он знает про «Ауру». Дядя всегда знал больше, чем говорил.

— Останешься у нас, — сказал я. — Диван в гостиной.

— Не стесню?

— Нет.

Дядя кивнул. Закрыв папку. Подвинул её ко мне.

— Она твоя, — сказал он. — Копия. Оригинал в архиве, но там всё то же самое. Я ничего не убрал.

Я положил руку на папку. Картон был тёплым от его пальцев.

В коридоре скрипнул паркет. Я обернулся — никого. Показалось или Алиса стояла и слушала.

Дядя поднялся.

— Пойду покурю, — сказал он. — На лестницу.

— Там холодно.

— Ничего.

Он взял куртку, вышел в подъезд. Дверь мягко закрылась. Я остался на кухне один. Папка лежала передо мной. Ноутбук мигал зелёным индикатором. Я открыл его, вбил:

«Запуск анализа. Два дела: Омск, Томилова Елена — Новосибирск, неизвестная. Поиск совпадений по внешности, почерку, географии»

«Аура» ответила сразу:

«Принято, капитан. Предварительно: вероятность связи по типажу жертв — 94%. Требуется дополнительная информация по новосибирскому делу»

Я закрыл ноутбук. Посмотрел на часы. Стрелка дёрнулась — и вдруг замерла на секунду, будто споткнулась. Потом снова пошла. Я смотрел на неё ещё с минуту. Показалось? Или нет.

В прихожей послышались шаги Вероники. Она заглянула на кухню.

— Как ты?

Я кивнул на папку.

— Дело, — сказал я. — Старое. Дядино.

Вероника села напротив, взяла меня за руку. Кольцо на её пальце тускло блеснуло в свете лампы. Она покрутила его — машинально.

— Ты же возьмишься, — сказала она. Не спросила.

— Да.

— Я так и поняла.

Она отпустила мою руку, поднялась.

— Я постелю ему на диване. Ты пока посиди тут. Подумай.

И вышла.

Я думал. Две девушки, похожие как сёстры. Два города. Двадцать два года. И дядя, который ждал всё это время. Ждал, пока что-то всплывёт. Или пока я вырасту.

За окном, на лестничной площадке, зажётся и погас красный огонёк сигареты. Дядя курил, впуская дым в холодный подъезд. Я смотрел на этот огонёк и понимал: что бы ни лежало в папке, обратного хода уже нет.

Глава 2

Утро началось с тишины.

Я вышел на кухню в семь. Дядя уже сидел за столом, одетый, причёсанный, с кружкой чая. Смотрел в окно. За стеклом моросил дождь — мелкий, сентябрьский, почти туман. Сосны стояли мокрые, тяжёлые.

— Доброе, — сказал я.

— Доброе.

Вероника собиралась на работу. В коридоре щёлкали замки её сумки. Алиса ещё спала — слышно было, как она дышит за приоткрытой дверью детской, ровно и глубоко.

Я налил чай, сел напротив дяди. Папка лежала там же, где я оставил её вчера, — на краю стола. За ночь она будто стала тяжелее.

— Я в отдел сегодня не пойду, — сказал я. — Посижу тут. Посмотрю.

Дядя кивнул. Он понимал: первый разбор я делаю один.

Вероника заглянула на кухню, уже в плаще.

— Я Алису в школу отвела бы, но мне к восьми. Вань, ты проводишь?

— Провожу.

— Тогда я побежала.

Она поцеловала меня в макушку — быстро, по-утреннему, — кивнула дяде и вышла. Хлопнула входная дверь. Уголёк проводил её взглядом и снова улёгся.

Через полчаса проснулась Алиса. Пришла на кухню в пижаме, сонная, лохматая. Увидела дядю, остановилась.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе, — ответил дядя.

— А вы ночевали у нас?

— Ночевал.

Алиса подумала секунду, потом села за стол и принялась за кашу. Ела молча, поглядывая на дядю. Перед тем как выйти из-за стола, она вдруг сказала:

— У вас руки, как у папы Вани.

Дядя опустил взгляд на свои ладони. Ничего не ответил. Алиса ушла одеваться.

Я отвёл её в школу. Она шла под зонтом, прыгала через лужи, что-то рассказывала про новую учительницу по рисованию. У ворот остановилась, посмотрела на меня снизу вверх.

— Пап Вань, а дядя Коля — он хороший?

— Хороший.

— А почему он грустный?

Я не знал, что ответить.

— Потому что у него дело не закончено, — сказал я.

— А ты закончишь?

— Попробую.

Она кивнула — серьёзно, по-взрослому — и побежала к крыльцу.

Домой я вернулся в девятом часу. Дядя перебрался в гостиную, сидел на диване с книгой — старой, потрёпанной, из тех, что остались от прежних жильцов. Я не стал спрашивать, что читает. Прошёл на кухню, открыл ноутбук, положил папку перед собой.

«Аура» ждала.

«Капитан, ночной анализ завершён. По запросу "пропавшие без вести, женский пол, 16–20 лет, светлые волосы, 2002–2004 годы" найдено два совпадения, требующих внимания»

— Выводи, — сказал я вслух.

На экране появились две карточки.

Первая: Акимова Марина, 18 лет. Исчезла в августе 2003 года в Челябинске. Тело не найдено. Особые приметы: светлые волосы до плеч, прямой пробор, на левой руке — шрам от ожога. Снимок прилагался. Я всмотрелся: те же черты, что у Томиловой. Мягкий овал лица, светлые брови, лёгкая асимметрия губ — правая сторона чуть выше. Фотография была цветная, но выцветшая: девушка стояла у кирпичной стены, смотрела в объектив, не улыбалась.

Вторая: Кузнецова Ольга, 17 лет. Пропала в мае 2002 года в Барнауле. Тело найдено через три недели в лесополосе за городом. Причина смерти — механическая асфиксия. Дело прекращено за отсутствием подозреваемых. На фото — школьный снимок, чёрно-белый. Та же внешность. Тот же пробор. Та же лёгкая асимметрия губ.

— Совпадение по типажу? — спросил я.

«Капитан, это больше чем типаж. Сравнение по антропометрическим точкам лица даёт совпадение на уровне 89–93%. Все четыре девушки имеют практически идентичную структуру лицевых костей: ширина скул, расстояние между внутренними углами глаз, угол наклона носовой перегородки. Я бы сказала — их подбирали. Но вывод оставляю вам»

Я откинулся на стуле. Паркет скрипнул. В форточку тянуло дождём и хвоей.

Четыре девушки. Четыре города: Омск, Новосибирск, Челябинск, Барнаул. Два тела, две пропавшие без вести. Разброс по времени — полтора года. И никакой явной связи, кроме внешности.

— «Аура», проверь базу нераскрытых по этим регионам за 2002–2004. Есть ли ещё совпадения по асфиксии, лесополосе, карьерам?

«Уже проверяю. Это займёт время. Ручной доступ к архивным базам МВД по регионам требует обхода ограничений»

— Обходи.

«Принято»

В гостиной дядя перевернул страницу. Шорох бумаги был единственным звуком, кроме дождя.

Я взял телефон. Набрал Серёжу.

Он ответил после третьего гудка. Голос был хриплый — то ли не выспался, то ли только докурил.

— Иван? Ты чего в такую рань?

— Дело есть, Серёж. Старое. Нужна помощь по архиву.

Пауза. Я слышал, как он затанулся.

— По Омску?

— Да. И не только. Томилова Елена, 2003 год. Убийство, глухарь. Дело вёл мой дядя. Мне нужно всё, что осталось в электронной базе. Сводки, протоколы, отказные материалы.

— Томилова, — повторил он. — Сейчас гляну... Это же старое совсем. Может, и не оцифровано.

— Что сможешь.

— Понял. Сделаю. Что-то серьёзное?

Я посмотрел на экран ноутбука. Четыре девичьих лица смотрели на меня.

— Пока не знаю, — сказал я. — Пока — глухо.

— Как всегда, — сказал Серёжа. — Ладно, до связи.

Он отключился. Я положил телефон на стол. Часы на стене щёлкнули. В гостиной снова шуршала страница.

— Дядь Коль, — позвал я.

Шаги. Он встал в дверях кухни.

— Что?

— Кроме Томиловой, были ещё. Похожие. В других городах. Три как минимум. Может, больше.

Он молчал. Лицо не изменилось, но пальцы сжались на косяке — побелели.

— Покажи, — сказал он.

Я развернул ноутбук. Дядя подошёл, встал за моим плечом. Смотрел на четыре фотографии. Долго. Я слышал его дыхание — ровное, но тяжёлое.

— Я не знал, — сказал он наконец. — Про других.

— И не мог знать. Тогда не было общего банка по регионам. Каждый город варился сам.

Он отошёл к окну. Встал спиной ко мне, руки в карманы. Смотрел на мокрые сосны.

— Если их подбирали, — сказал он, — это не маньяк. Маньяк не ездит по четырём городам за полтора года. Это кто-то... системный.

— Или группа, — добавил я.

Дядя обернулся. В глазах — то, что я редко видел у старых оперов. Не злость. Страх. Спокойный, холодный страх перед тем, что лежит на дне давно забытого дела.

— Ваня, — сказал он. — Ты понимаешь, что мы трогаем?

Я понимал. Двадцать два года — не срок для тех, кто умеет ждать. И если всё это время кто-то продолжал, то счёт может идти не на четыре жизни. На больше.

Ноутбук пискнул. «Аура» вывела строку:

«Капитан, предварительный результат по запросу: найдено ещё одно совпадение. Кемерово, 2004 год. Подробности — через три минуты»

Я повернул ноутбук к себе. Дядя смотрел на экран. Дождь за окном усилился.

Пять.

Глава 3

Три минуты растянулись на десять.

Я сидел перед ноутбуком, дядя стоял за плечом. Он не двигался — только пальцы иногда сжимались и разжимались. Дождь за окном перешёл в ливень, стучал по подоконнику, заливал стекло.

Наконец «Аура» вывела карточку.

Пятая: Савина Татьяна, 17 лет. Кемерово, июнь 2004 года. Исчезла по дороге из школы. Тело найдено через две недели в лесополосе у объездной трассы. Причина смерти — механическая асфиксия. Следов борьбы нет. Следов насилия нет. Дело приостановлено в сентябре 2004-го. Особые приметы: светлые волосы, прямой пробор. На фото — та же асимметрия губ. Правая сторона чуть выше левой. Будто копия.

И ещё одна деталь. В материалах дела сохранилась запись допроса свидетеля. Единственного.

«Капитан, свидетель: Колесников Виктор Петрович, 1948 г. р., пенсионер, на момент событий — сторож автобазы. Показания: видел тёмный автомобиль, припаркованный у лесополосы в день исчезновения Савиной. Марку не запомнил. Номер не запомнил. Отметил: заднее стекло тонировано, на переднем — трещина с водительской стороны. Машина стояла около часа, затем уехала в сторону трассы»

Я записал: тёмный, тонировка, трещина. Скупое, но хоть что-то.

— Тёмная машина, — сказал я. — У Томиловой что-то похожее было? Хоть что-то?

Дядя отошёл к окну. Молчал.

Я ждал. За спиной тикали часы. Уголёк поднялся с коврика, подошёл к миске, попил — громко, со всхлипом.

— Было, — сказал дядя.

Он не поворачивался. Голос стал ниже, будто слова выходили с трудом.

— Я не внёс в протокол.

Я развернулся к нему.

— Что именно?

— Соседка Томиловых. Старуха с первого этажа. Сказала тогда: за неделю до исчезновения видела, как Лена выходила из тёмной машины во дворе. Не «Жигули», не «Москвич».

Иномарка. Старуха сказала — «низкая такая, чёрная, блестящая». Я переспросил три раза. Она стояла на своём.

— Почему не в протокол?

Дядя обернулся. Лицо серое.

— Потому что старухе было под восемьдесят. У неё катаракта, она путала дни недели. Мой начальник сказал: не лепи в дело ерунду. Свидетель ненадёжный, машины она не разбирает, только адвоката насмешит. И я... послушал.

Он замолчал. Я не давил. Каждый опер знает: свидетели врут, путают, придумывают. Но иногда — не врут. И этот груз теперь лежал на дяде. Двадцать два года.

— Тёмная иномарка, — сказал я. — В Омске и в Кемерово. Разница в год. Это уже не совпадение.

— Да.

— «Аура», подними всё, что есть по тёмным иномаркам в этих делах. Даже если мельком. Даже если свидетель ненадёжный. Вообще всё.

«Принято, капитан. Работаю»

Я встал, прошёлся по кухне. Пять городов. Омск, Новосибирск, Челябинск, Барнаул, Кемерово. Разброс — полторы тысячи километров с запада на восток. Не гастролёр. Гастролёры так не работают. Это кто-то, кто либо много ездил по работе, либо имел точки в каждом городе.

— «Аура», построй карту. Все пять точек — где нашли или где видели в последний раз. Хронологию наложи.

«Уже. Вывожу»

На экране появилась карта Западной Сибири. Пять красных точек. Первая — Барнаул, май 2002-го. Вторая — Новосибирск, июль 2002-го. Третья — Омск, июль 2003-го. Четвёртая — Челябинск, август 2003-го. Пятая — Кемерово, июнь 2004-го.

— Он двигается с востока на запад, — сказал я. — Барнаул, Новосибирск, потом Омск, Челябинск. Потом возвращается — Кемерово. Почему?

Дядя подошёл ближе. Смотрел на карту.

— Работа, — сказал он. — Или учёба. Командировки. Что-то, что заставляет его перемещаться между этими городами.

— Или он живёт в одном из них, а в остальные ездит.

— Может.

Я потёр глаза. Пять девушек. Одинаковые лица. И никакой связи между ними, кроме внешности. Не подруги. Не одноклассницы. Не родственницы. Он выбирал их специально. Высматривал. Ждал.

— «Аура», что с остальными городами? Ижевск, Екатеринбург, Тюмень? Есть похожие эпизоды за тот период?

«Идёт проверка. По первичному фильтру — ещё два возможных совпадения. Тюмень, 2002. Екатеринбург, 2004. Запрашиваю данные»

Семь.

Дядя сел на стул. Тяжело, будто ноги подкосились. Я не смотрел на него — дал время.

В коридоре скрипнул паркет. Уголёк поднял голову, вильнул хвостом. Никого. Опять показалось? Или Алиса пришла из школы? Нет, рано.

Я выглянул в коридор. Пусто. Только коврик сдвинул — лежал ровно, теперь угол загнулся. Может, сквозняк.

Вернулся на кухню. Телефон завибрировал на столе. Серёжа.

— Да.

— Иван, я в архиве, — голос у Серёжи был быстрый, взволнованный. — Слушай, тут такое дело. Я поднял материалы по Томиловой. Там почти пусто. Но есть одна бумага, которую не подшили к основному делу. Отдельная папка. Знаешь, что в ней?

— Что?

— Запрос из соседнего отдела. Омск, май 2003-го. За два месяца до убийства Томиловой. К ним поступила ориентировка. Из Челябинска.

— Ориентировка на кого?

— Ни на кого. На способ. Механическая асфиксия, светловолосая девушка, тело в лесу. Челябинцы просили сообщать о похожих случаях. И знаешь, кто подписал запрос?

— Кто?

— Следователь Волков. Но запрос пришёл в Омск, его зарегистрировали, разослали по отделам и... положили под сукно. Никто не отработал. Даже твой дядя, судя по всему, этого запроса не видел.

Я посмотрел на дядю. Он сидел, опустив голову.

— Он не видел, — сказал я. — Ему не показали.

— Вот и я про что, — сказал Серёжа. — Кто-то положил ориентировку под сукно. И через два месяца убили Томилову.

Пауза. Слышно было, как Серёжа затянулся сигаретой.

— Хочешь, скину скан? — спросил он.

— Скидывай. И Серёж...

— Да.

— Спасибо.

— Отработаешь, — сказал он. — Давай.

Телефон пискнул — пришло сообщение. Я открыл скан. Пожелтевшая бумага, машинописный текст. Входящий номер, дата — 14 мая 2003 года. «Просим сообщать о всех случаях обнаружения тел девушек 16–20 лет, светловолосых, с признаками механической асфиксии...» Подпись: следователь Волков А.Н., Челябинск.

Ориентировка легла в Омск за два месяца до того, как Лена Томилова вышла из дома и не вернулась.

Я повернулся к дяде. Он уже поднял голову и смотрел на меня. Глаза сухие, но в них стояло то, что я не хотел бы видеть у человека, которого помнил всю жизнь. Осознание. Медленное, горькое.

— Если б мне дали эту бумагу, — сказал он тихо, — я бы поставил наружку. Я бы предупредил школы. Я бы...

— Дядь Коль.

Он замолчал.

— Тот, кто положил её под сукно, — сказал я. — Он ещё жив?

Дядя медленно кивнул.

— Жив. На пенсии. В Омске.

— Имя.

Он назвал. Я запомнил.

За окном ливень перешёл в грозу. Где-то далеко громыхнуло. Часы на стене щёлкнули. Я закрыл ноутбук, взял куртку.

— Ты куда? — спросил дядя.

— Пока никуда. Завтра — в Омск.

Он встал. Подошёл ко мне. Положил руку на плечо. Тяжёлую, сухую.

— Я с тобой.

— Нет. Ты здесь. С Вероникой и Алисой.

Он хотел возразить. Я посмотрел на него — и он промолчал. Понял.

В гостиной зазвонил мой телефон. Городской номер. Новосибирск. Я поднял трубку.

— Метростроев, — сказал я.

— Иван, это Казанцев из городского. Ты в отделе?

— Нет. Дома. Что случилось?

Пауза. Казанцев дышал в трубку тяжело, будто бежал.

— У нас тело. Девушка. Светлые волосы. В лесу, у карьера на Бердском шоссе. Причина — похоже, асфиксия. Я вспомнил, ты старыми глухарями занимаешься. Может, глянешь?

Я сжал трубку. За окном ударила молния. Дядя смотрел на меня. Часы щёлкали.

— Выезжаю, — сказал я.

Глава 4

Бердское шоссе уходило в лес.

Я гнал старый «форд» под дождём. Дворники скрипели, резина стиралась о стекло. В багажнике гремела аптечка. Я не включал радио — слушал, как «Аура» зачитывает сводку через динамик телефона.

«Капитан, данные по Тюмени и Екатеринбургу подтверждены. Тюмень: Ларина Дарья, 18 лет, август 2002-го. Тело найдено в лесном массиве у озера. Екатеринбург: Миронова Анна, 17 лет, октябрь 2004-го. Тело в лесополосе за окружной. Причина смерти — механическая асфиксия. Внешность соответствует ранее выявленным образцам. Все семь жертв имеют идентичные антропометрические признаки. Вероятность случайного совпадения — ноль целых три сотых процента»

Семь.

Дождь лупил по крыше. Я свернул с трассы на грунтовку. Под колёсами захлюпала грязь вперемешку со щебнем. Впереди, метрах в трёхстах, мигали синие маячки — две машины, «скорая», фургон экспертов.

Карьер был старый, заброшенный. Огромная яма, заросшая по краям сосняком и кустарником. Песок здесь не брали лет двадцать. Место тихое, глухое. Идеальное.

Я припарковался за оперской «Ладой». Вышел под дождь. Воротник куртки сразу намок.

Казанцев стоял у края оцепления — молодой, лет тридцати, в лёгкой куртке нараспашку, без зонта. Рядом топтался участковый с планшетом. Чуть дальше, под соснами, эксперты в белых комбинезонах ставили палатку над телом.

— Метростроев, — Казанцев шагнул навстречу. — Спасибо, что приехал.

— Покажи.

Он провёл меня под ленту. Участковый что-то пискнул про протокол — Казанцев отмахнулся.

Тело лежало у подножия песчаного откоса, метрах в десяти от кромки карьера. Девушка. Светлые волосы разметались по мокрому песку. Одежда цела — джинсы, тёмная кофта. На ногах кроссовки, чистые, будто она не шла сюда, а её несли. Поза неестественная — руки вдоль тела, ладони вверх. Следов борьбы нет. Лицо спокойное.

Я присел у края палатки, чтобы не мешать экспертам. Всмотрелся в лицо.

Светлые брови. Прямой пробор. Мягкий овал. Асимметрия губ — правая сторона чуть выше.

— Возраст? — спросил я.

— На вид — семнадцать-восемнадцать, — ответил эксперт, не поднимая головы. — Документов нет. Причина смерти — предварительно, strangulationная асфиксия. Есть strangulationная борозда. След не от верёвки.

— А от чего?

Эксперт помедлил. Поднял глаза — пожилой мужик в очках, с седыми усами.

— Похоже на пластиковый хомут. Широкий. Такими кабели стягивают. Сняли перед тем, как бросить.

Я поднялся. Пластиковый хомут. У предыдущих жертв — простая верёвка или шнур. Здесь — другое. Либо он сменил инструмент, либо это не он.

— Казанцев, — позвал я.

Он подошёл.

— Когда нашли?

— Час назад. Звонил собачник. Гулял с овчаркой, собака потащила в карьер. Он думал — зверё. Оказалось — нет.

— Кто-то ещё из отдела знает?

— Только дежурная группа. Я сразу тебе.

— Почему?

Казанцев потёр мокрое лицо ладонью. Дождь стекал по его лбу, капал с носа. Он не замечал.

— Потому что я в прошлом году стажировался в Омске. У Гордеева. Серёжа рассказывал о тебе. И о серии, которую ты закрыл. Я как увидел девчонку... прибор этот... Я подумал — может, связано.

— Правильно подумал. Только это не моя серия. Это старше.

Я достал телефон, открыл карту «Ауры». Показал Казанцеву семь точек. Он смотрел, хмурился.

— Двадцать два года, — сказал он. — Твою мать.

— Вот именно.

Я вернулся к телу. Эксперты уже укладывали его на носилки. Я остановил их.

— Можно на минуту?

Старший кивнул. Я наклонился ниже. Осмотрел руки девушки. Чистые ногти, без лака. На запястье — тонкий браслет из бисера, самодельный. На правой ладони — ссадина, свежая, но неглубокая. Больше ничего.

Уже отходя, заметил. На песке, в полуметре от того места, где лежала голова, что-то блеснуло. Я присел, разгрёб мокрый песок пальцами.

Металлическая пуговица. Маленькая, латунная, с гравировкой. Я поднял её, стряхнул песок. На пуговице — якорь и две буквы: «РФ». Флотская. Старая, но не старая настолько, чтобы пролежать в карьере двадцать лет. Края блестели — значит, потеряна недавно.

— Казанцев.

Он подошёл.

— Видел?

— Нет.

— Плохо смотрите.

Я положил пуговицу в пакетик для улик, протянул ему.

— Флотская. Якорь, «РФ». Проверь, кому из местных принадлежит. И подними базу: кто из сидельцев или бывших военных моряков живёт в радиусе десяти километров отсюда.

— Принял, — он убрал пакетик в карман куртки. — Это он?

— Не знаю. Но это единственное, что не отсюда.

Я пошёл к машине. Дождь ослаб, перешёл в морось. Лес стоял мокрый, тяжёлый, с веток капало. Под ногами хлюпала грязь. Я обернулся на карьер. Эксперты заканчивали. Синие маячки всё так же мигали, отражаясь в лужах. Через час здесь будет тихо, и только овражная вода продолжит размывать песок.

В машине я включил обогрев. Достал телефон. Пять пропущенных от Вероники. Я набрал.

— Ты где? — голос ровный, но с напряжением.

— На выезде. Тело в пригороде. Девушка.

Пауза.

— Такая же?

— Похожа.

— Ваня...

— Я скоро. Дома всё в порядке?

— Да. Дядя Коля с Алисой играет в шахматы. Она выигрывает.

Я усмехнулся — коротко, без веселья.

— Я позвоню Серёже. И домой.

— Жду.

Она отключилась. Я завёл мотор.

«Аура» молчала. Я тронулся по грунтовке к трассе. Грязь чавкала под колёсами. Мысли крутились вокруг пуговицы. Флот. Моряк. Или бывший моряк. Или просто тот, кто носит чужую одежду. Но пуговица лежала у свежего тела. И это — первая вещественная улика за двадцать два года.

Телефон загудел. Серёжа.

— Иван, я поднял того, кого ты просил. Следователь, который вёл дело Томиловой вместе с твоим дядей. Ну, который запрос из Челябинска положил под сукно.

— Имя.

— Свиридов. Алексей Фёдорович. Шестьдесят пять лет. Пенсионер. Живёт в Омске, частный сектор за вокзалом. Я проверил: в 2002-м он был переведён из Новосибирска. А до Новосибирска — Челябинск. Понимаешь?

Я затормозил у выезда на трассу.

— Он переезжал за ним, — сказал я. — Вслед.

— Похоже на то, — сказал Серёжа. — Иван, он не просто запрос проигнорировал. Он, судя по географии, шёл параллельно с убийцей. Три города. Три.

— Где он сейчас?

— Дома. Адрес скинул.

— Я выезжаю в Омск завтра утром.

— Встречу. И Иван...

— Что?

— Будь осторожен. Если Свиридов не просто халатный, а участник...

— Знаю.

Я сбросил звонок. Нажал педаль газа. «Форд» вылетел на трассу и пошёл в сторону города.

Дома было тепло. Пахло ужином. Вероника возилась на кухне. Алиса сидела в гостиной за шахматной доской, напротив — дядя Коля. Он держал в руке чёрного коня, разглядывал доску, хмурился. Алиса ждала с лицом победительницы.

— Папа Ваня, — сказала она, — дядя Коля проигрывает.

— Не проигрываю, — буркнул дядя. — Думаю.

— Ты уже пять минут думаешь.

Я прошёл на кухню. Вероника обернулась, посмотрела на меня. Сразу всё поняла — по лицу, по тому, как я снял куртку и бросил на стул. Ничего не спросила. Налила чай, подвинула.

— Ужинать будешь?

— Позже.

Я взял кружку. Чай был горячий, обжёг губы. Из гостиной доносилось: «Шах. И мат. Всё, дядя Коля». И тихий смешок дяди — впервые за всё время.

Вероника села напротив. Крутила кольцо на пальце. Ждала.

— Завтра в Омск, — сказал я.

— Надолго?

— На сутки. Может, двое.

Она кивнула. Помолчала. Потом сказала:

— Возьми дядю.

— Он хотел. Но здесь безопаснее.

— Здесь — да. Но ему нужно. Двадцать два года, Ваня. Ему нужно доехать до конца.

Я подумал. Она была права.

— Хорошо.

В гостиной Алиса расставляла фигуры для новой партии. Дядя Коля сидел, откинувшись на спинку дивана, смотрел на неё с каким-то новым выражением — мягким, почти забытым. Заметил мой взгляд, повернулся.

— Что? — спросил он.

— Завтра в Омск. Ты со мной.

Он медленно кивнул.

— К Свиридову?

— К Свиридову.

Дядя отвёл глаза. Пальцы сжались в кулак. Медленно разжались.

— Я ждал этого двадцать два года, — сказал он тихо. — Думал, не дождусь.

В коридоре скрипнул паркет. На этот раз точно Алиса — она вышла попить и стояла у двери кухни со стаканом в руке. Смотрела на нас.

— Пап Вань, — сказала она. — А ты найдёшь того, кто это сделал?

— Найду.

Она кивнула и ушла в детскую. Я допил чай. За окном снова начинался дождь. Часы на стене щёлкали, как всегда.

Глава 5

В Омск мы выехали затемно.

Дядя Коля сидел на пассажирском, положив портфель на колени. За окном тянулась трасса — мокрая, серая, пустая. Встречные фары выплывали из тумана редко, раз в десять-пятнадцать минут. Я вёл молча. Дядя молчал тоже.

Он смотрел на дорогу, но я знал: он не здесь. Он там — в 2003-м, в душном кабинете, где молодой следователь листает сводки и не знает, что ориентировка из Челябинска уже месяц лежит в соседнем отделе. Под сукном.

Я не лез с разговорами.

На въезде в Омск, у поста ДПС, нас ждал Серёжа. Его старенькая «Тойота» стояла на обочине с включённой аварийкой. Серёжа курил, привалившись к капоту. Увидел мой «форд», выбросил окурочок, шагнул навстречу.

Я опустил стекло.

— Привет.

— Привет, — он заглянул в салон, увидел дядю. — Здравия желаю.

— Здорово, — сказал дядя Коля.

Серёжа сел назад. В салоне запахло табаком и мокрой одеждой.

— Адрес знаешь? — спросил я.

— Улица Чкалова. Частный сектор за вокзалом. Я проехал мимо час назад — свет в окнах горел. Дома.

— Поехали.

Частный сектор встретил нас грязью и тишиной. Покосившиеся заборы, старые тополя, собачий лай где-то за огородами. Дом Свиридова стоял в глубине участка — кирпичный, одноэтажный, с глухими окнами на улицу. Калитка была не заперта. Мы вошли во двор.

Дядя Коля шагал первым. Я видел, как изменилась его походка — жёстче, тяжелее. Так ходят не в гости. Так идут на очную ставку.

Дверь открылась прежде, чем мы успели нажать на звонок. Свиридов стоял на пороге.

Он оказался ниже, чем я представлял. Сухой, жилистый, с остатками седых волос, зачёсанных назад. Одет в старый свитер и тренировочные штаны. На ногах — тапки. На носу — очки в тонкой металлической оправе. Он смотрел на нас без удивления. Будто ждал.

— Здравствуй, Коля, — сказал он.

Голос был спокойный, почти равнодушный.

— Здравствуй, Лёня, — ответил дядя.

Пауза. Они стояли друг напротив друга — два старых опера, два пенсионера, между которыми лежала ориентировка двадцатидвухлетней давности. Свиридов перевёл взгляд на меня, потом на Серёжу.

— Проходите, — сказал он и отступил вглубь дома.

Внутри пахло старостью. Не грязью — именно старостью: пылью, лекарствами, лежащими вещами. В коридоре — вешалка с одинокой курткой, на полу — стоптанные ботинки. В гостиной, куда он нас провёл, стоял старый диван, два кресла, телевизор на тумбе. На стене — ковёр с оленями. На полке — фотографии в рамках.

Я пробежал по ним взглядом. Свиридов в форме. Свиридов с женой. Свиридов с каким-то чиновником на вручении грамоты.

— Чаю? — спросил Свиридов.

— Нет, — сказал я. — Разговор.

Он сел в кресло. Мы остались стоять.

— Я знаю, зачем вы, — сказал он. — Коля, ты из-за Томиловой.

— Из-за неё, — сказал дядя Коля. — И не только.

— Я понимаю.

Свиридов снял очки, протёр их краем свитера. Руки не дрожали. Он вообще не выглядел испуганным или взволнованным. Это настораживало.

— Вы хотите спросить про ориентировку из Челябинска, — сказал он. — Отвечаю: я её не прятал. Я передал дежурному по отделу для рассылки. То, что она не дошла до Коли, — не моя вина.

— Кто был дежурным? — спросил я.

— Не помню. Двадцать два года прошло.

— А почему вы сами не проверили? Пришла ориентировка — вы её отправили и забыли?

Свиридов посмотрел на меня. Взгляд был цепкий, оценивающий. Старая школа.

— Молодой человек, — сказал он. — В 2003-м через наш отдел проходило по двадцать ориентировок в неделю. Из всех городов. По всем делам. Я физически не мог отслеживать каждую.

— Но вы переезжали из города в город, — сказал я. — Новосибирск. Челябинск. Омск. Три города, где убивали девушек.

Он не дрогнул.

— Я переводился по службе. Повышения, должности. Это нормальная практика.

— Зачем вы ушли на пенсию в Омске? Почему не в Новосибирске, не в Челябинске?

— А это уже не ваше дело.

Дядя Коля шагнул вперёд.

— Лёня, — сказал он тихо. — Девушек семь. Может, больше. Одна — вчера в Новосибирске. Двадцать два года. Ты понимаешь, что это значит? Он всё ещё жив. И всё ещё работает.

Свиридов молчал. Очки лежали на коленях. Он смотрел в пол.

— Если ты что-то знаешь, — продолжал дядя, — скажи сейчас. Не мне. Им. — Он кивнул в мою сторону. — Пока не поздно.

Тишина. За окном залаяла собака. Где-то далеко прогудел тепловоз — вокзал был рядом.

— Я ничего не знаю, — сказал Свиридов. — И никого не покрывал. Если вы пришли обвинить меня — обвиняйте. Но сначала докажите.

Я смотрел на него. Он не врал. Но и не говорил всей правды. Что-то держало его — страх? Или что-то другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.